

Большинству поволжскихъ читателей давно знакома литературная дѣятельность М. Горькаго, помѣщающаго время отъ времени свои очерки и рассказы не только въ ежемѣсячныхъ журналахъ, но и въ фельетонныхъ отдѣлахъ газетъ. Несомнѣнно даровитый авторъ, избравъ объектомъ своихъ литературныхъ изслѣдованій такъ называемые «общественные отбросы» и темные углы, но, къ сожалѣнію, не сумѣлъ удержаться на той грани, которая отдѣляетъ *правду* отъ вымысла, сѣренькую дѣйствительность отъ пылкой авторской фантазіи, вслѣдствіе чего многіе типы, картины, положенія не внушаютъ довѣрія и отдаются преувеличеніями. Кто знаетъ обратную сторону медали, кто непосредственно изучалъ жизнь темныхъ угловъ и «общественныхъ отбросовъ», тотъ не встрѣтитъ въ такихъ произведеніяхъ автора, какъ «Челвашь», «Озорникъ», «Супруги Орловы», «Мальва», «Бывшіе люди», отраженія настоящей жизни, суровой, неуловимой дѣйствительности. Въ нихъ кабинетный художникъ отодвинулъ въ сторону изслѣдователя и бытописателя, а риторическія метафоры осилили простую человѣческую рѣчь. Последнее особенно заявляетъ о себѣ въ эпизодѣ «Челвашь». Помимо полной невѣроятности главныхъ событій, читателя подавляетъ вычурность, манерность, напыщенность языка и дѣланый мѣлозъ, навойливо заявляющій о себѣ въ каждомъ произведеніи г. Горькаго. Такъ, описывая картину трудового дня въ гавани, авторъ употребляетъ слѣдующіе приемы: «...Всѣ эти звуки сливаются въ оглушительную симфонію трудового дня и, *нервничательно* подыхаясь, *стоятъ въ небѣ* надъ гаванью, какъ бы боясь всплыть выше и исчезнуть въ немъ... «Гранить, желѣзо, дерево, мостовая, суда и люди—все дышетъ мощными звуками *бѣшено-страстнаго гимна Меркурію*. Но голоса людей еле слышны въ немъ, *слабы, смѣшны*. И сами люди, первоначально родившіе этотъ шумъ, *смѣшны и жалки*... «Стоя подъ парами, тяжелые гиганты-пароходы то свистѣли, то шипѣли, то какъ-то *глубоко вздыхали* и въ каждомъ рожденномъ ими звукѣ чудилась насмѣшливая нота *ироническаго презрѣнія*» и т. д. и т. д. Если вы наблюдали трудовую жизнь въ гаваняхъ, то непременно почувствуете въ «описательныхъ» методахъ г. Горькаго искусственную нотку, неестественность нежъ и риторичность сравненій, проходящую красной нитью чрезъ всѣ произведенія талантливаго автора. Онъ «словечна въ простотѣ не сважеть,—все съ ужимзой» и съ неудачными потугами на такъ называемую «мировую скорбь». Методы психологическихъ изслѣдованій, «анализъ» и «синтезъ» г. Горькаго также не отличаются высшими качествами. Они могутъ быть выражены въ нѣсколькихъ словахъ: «чужая душа—потемки, но въ самыхъ непроглядныхъ потемкахъ *хорошій человекъ* можетъ найти положительныя черты». Заключительный выводъ почти всѣхъ очерковъ и рассказовъ г. Горькаго не отличается свѣжестью и глубиной: «Жизнь со всѣми ея положительными и отрицательными сторонами дѣлаютъ люди, и если бы люди дѣлали только хорошее, то всѣмъ было-бы хорошо».

Мы лишены возможности дать болѣе подробный отчетъ о литературныхъ работахъ г. Горькаго, что потребовало бы слишкомъ много мѣста, а потому скажемъ въ заключеніе, что творчество автора не лишено симпатичныхъ сторонъ, нѣкоторыя произведенія, какъ напримѣръ, «Тоска» и «Пѣсня о соколѣ», полны художественности, но, повторяемъ, во всѣхъ случаяхъ заявляетъ о себѣ риторичность и... и авторское самонѣніе, заставляющее г. Горькаго забираться въ такія области, которыя или малоизслѣдованы имъ, или изслѣдованы съ предвзятой односторонностью. Последнее произведеніе г. Горькаго—«Варанька Олесова» окончательно подорвало довѣріе въ нему, какъ къ автору—психологу...